Изъ дневника миссіонера.

Наблюденія и замѣтки во время поѣздки на Мурманскій берегъ лѣтомъ 1889 года.

Отправленіе изъ Архангельска. Путь по морю. Становища: Поной, Лица, Семь-острововъ, Рында. Гавриловское становище. Положеніе мѣстности. Свойства климата. Растительная природа, животныя: звѣри и птицы. Начало поселеній на Мурманскомъ берегу. Гавриловская церковь, часовня, кладбище. Совершеніе богослуженія Число жителей Гавриловской колоніи. Грамотность, религіозно-нравственное состояніе. Устройство домовъ колонистовъ. Занятія лѣтнія и зимнія. Домашнія животныя, средства къ ихъ пропитанію. Число пріѣзжающихъ въ Гавриловское становище промышленниковъ. Весенній промыселъ. Норвежскіе города Вардэ и Вадзэ. Лѣтній промыселъ. Покручиваніе хозяевамъ, заработокъ промышленника. Производство рыбнаго промысла. Случаи гибели промышленниковъ. Зуи, лошки, ихъ заработокъ. Помѣщеніе промышленниковъ, ихъ пища. Торговля рыбою, факторіи. Больница и болѣзни, отношеніе промышленниковъ къ больнымъ. Отъѣздъ изъ Гаврилова и дальнѣйшій путь Териберка. Кола. Портъ Владиміра. Церковь, жители, отсутствіе помѣщенія для командируемыхъ священно-служителей Обратный путь. О противораскольническихъ бесѣдахъ на Мурманѣ Бесѣда на пароходѣ. Прибытіе въ Архангельскъ.

30-го Мая 1889 года я отправился, по распоряженію Архангельскаго Епархіальнаго Начальства, на Мурманскій берегъ, для совершенія богослуженія и требоисправленій между колонистами и промышленниками. Мѣстомъ пребыванія было назначено Гавриловское становище, до котораго я и намѣренъ былъ ѣхать на пароходѣ „Великій Князь Владиміръ“. На этомъ же пароходѣ ѣхали на Мурманскій берегъ: Его Сіятельство Начальникъ губерніи, Князь Н. Д. Голицынъ, Его Превосходительство С. В. Керскій, прибывшій для ревизіи въ Архангельскъ, и о. Настоятель Соловецкаго монастыря Архимандритъ Мелетій. Вмѣстѣ со мною ѣхалъ товарищъ по командировкѣ Іеромонахъ о. Прокопій для слѣдованія въ портъ Владиміра. Напутствовать пароходъ предъ его отправленіемъ прибылъ Преосвященный Владыка.

День былъ хмурый, накрапывалъ дождикъ. На пароходѣ происходила обыкновенная при подобныхъ случаяхъ суета: готовилась къ отплытію команда, разсаживались и размѣщались пассажиры, прощались ихъ провожающіе. Отъ Его Преосвященства я былъ снабженъ книгами религіозно-нравственнаго содержанія для раздачи, какъ въ церковныя библіотеки, такъ и частнымъ лицамъ на Мурманскомъ берегу. Къ отъѣзду все уже было готово. Архипастырь, благословивъ отправляющихся, оставилъ пароходъ; послѣдній началъ отходить отъ берега. Пароходъ шелъ сначала гаванью, потомъ устьемъ Двины. а часа черезъ три выходили уже въ море. Путешествіе было благополучное.

На другой день утромъ показался Терскій берегъ, который идетъ отъ Кандалакши до св. Носа. Берегъ каменистый, кое-гдѣ въ ущельяхъ былъ виденъ снѣгъ Около селенія *Поноя*, лежащаго на Терскомъ берегу, пароходъ остановился. Его окружили нѣсколько карбасовъ, пришедшихъ за грузомъ. Селенія не было видно, оно находится по р. Поною, за нѣсколько верстъ отъ берега. Постоявъ немного времени, пароходъ тронулся далѣе и шелъ параллельно берегу, который уже не терялся изъ виду. Съ одной стороны теперь былъ каменистый берегъ, съ другой безграничное море. Такой видъ имѣетъ и идущій далѣе Терскаго Мурманскій берегъ на всемъ его протяженіи. Въ ясный солнечный день видъ на море и берегъ бываетъ хорошій, теперь же онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе.

Отъ мыса св. Носа, лежащаго сѣвернѣе Поноя, начался Мурманскій берегъ. Идетъ онъ за Колу, до Норвежской границы, и до Колы называется восточнымъ, а за Колою западнымъ Мурманскимъ берегомъ. 1-го Іюня утромъ пароходъ остановился въ становище Мурманскаго берега *Восточной Лицы*. Кругомъ виднѣлись гранитные острова. На берегу была видна кучка промысловыхъ избъ, выше, на скалѣ, часовня, за нею нѣсколько строеній колонистовъ. Въ Лицѣ три дома колонистовъ, 18 человѣкъ жителей: 8 муж. и 10 жен. пола, всѣ они православные, строятъ себѣ часовню.

Промышленниковъ собирается здѣсь до 150 человѣкъ. Теперь ихъ еще не было: одни находились на вешнихъ промыслахъ на западномъ берегу, а другіе не прибыли еще изъ дому для лѣтнихъ промысловъ.

Слѣдующее становище было *Семь-острововъ*. Здѣсь колонистовъ нѣтъ, пріѣзжаютъ только промышленники. Въ Семи-островахъ находится часовня и больница Краснаго Креста. Далѣе прибыли въ становище *Рынду*. Въ этомъ становищѣ три дома колонистовъ, 14 человѣкъ: 6 муж. и 8 жен. пола, промышленниковъ собирается до 300 человѣкъ. Имѣются церковь и часовня. Какъ колонисты, такъ и промышленники придерживаются раскола и церковь посѣщаютъ мало, чаще посѣщаютъ часовню, куда жертвуютъ деревянное масло и рыбу. Церковь нуждается въ украшеніи иконами и поправкѣ крыши. Изъ Рынды шли мимо становищъ Тряпицины и Шельпина, въ которыхъ колонистовъ нѣтъ и промышленниковъ еще не было.

Около полудня 1-го Іюня благополучно прибыли въ *Гаврилово*. День былъ ясный и солнечный. Къ пароходу начали подъѣзжать карбаса и шняки. На берегу виднѣлась часовня и станы промышленниковъ. Церкви новоустроенной и колоніи за береговыми утесами не было видно. Въ морѣ бѣлѣлось нѣсколько шнякъ промышлявшихъ рыбу. На пароходѣ началась выгрузка. Такъ какъ становище было многолюдное и грузу шло много, то и стоять здѣсь намѣревались подольше.

На пароходной шлюбкѣ выѣхали на берегъ г. Начальникъ губерніи съ г. Керскимъ и о. Архимандритомъ. Они осмотрѣли церковь, часовню, больницу и возвратились на пароходъ. Мнѣ же нужно было въ Гавриловѣ остаться. Почему, пожелавъ о. Прокопію благополучнаго пути, на одной изъ шнякъ я выѣхалъ на берегъ. Помѣстился я въ больницѣ въ особой комнатѣ, предоставленной мнѣ докторомъ г. Гулевичемъ. Особаго помѣщенія для командируемыхъ священниковъ здѣсь, какъ и въ другихъ становищахъ, не было. Я прожилъ въ Гавриловѣ до 3-го Іюля, совершая богослуженіе и требы.

Колонія и становище Гаврилово расположены около небольшаго морскаго залива. Мѣстность становища гористая, какъ и весь Мурманскій берегъ, окружено оно гранитными скалами и утесами. Съ сѣверной стороны залива открытое море, на южной сторонѣ находятся: церковь, больница и колонія. Часовня, окруженная избами или, по здѣшнему, „станами“ промышленниковъ, находятся на восточной сторонѣ залива на высокомъ каменистомъ берегу; избы же промышленниковъ находятся и на противоположной западной сторонѣ. Отъ становища до церкви и больницы, обходя заливъ, около полуверсты разстоянія, водою же во время прилива, на половину менѣе.

Отъ Архангельска Гавриловское становище находится по морю верстахъ въ 600, отъ уѣзднаго города Колы за 150 верстъ. Сосѣднія съ Гавриловскимъ становища: Рында за 60 и Териберка за 30 верстъ.

Климатъ здѣсь, какъ и на всемъ Мурманѣ, по его сѣверному положенію и доступности сѣвернымъ и сѣверовосточнымъ вѣтрамъ съ океана,—холодный. Прожитый мною въ гаврилові Іюнь мѣсяцъ по дождливой и сырой погодѣ напоминалъ Сентябрь или Октябрь. Впрочемъ и здѣсь бываетъ, по разсказамъ, настоящее лѣтнее тепло и даже жары. Растительности: лѣсу или кустарниковъ въ становищѣ нѣтъ, а въ небольшомъ количествѣ по склонамъ каменныхъ бугровъ видна трава, составляющая подножный кормъ для скота, который держатъ колонисты. Верстъ за 10—15 отъ становища, вверхъ по рѣкѣ Вороньей, растетъ мелкій березнякъ, идущій на дрова колонистамъ, ельваго же и сосноваго лѣсу здѣсь нѣтъ. Огородовъ у колонистовъ нѣтъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ поспѣваетъ здѣсь морожка и другія сѣверныя ягоды. Рѣки въ гаврилові нѣтъ. Текутъ между камнями въ заливъ два ручейка, изъ которыхъ и берутъ воду жители. Рѣка Воронья находится версты за 3 отъ становища.

Изъ животныхъ здѣсь водятся: медвѣди, волки, лисицы, зайцы, росомахи; изъ птицъ: гуси, пролетомъ на Новую Землю, утки, рыбы, куропатки и морскія:

гаги и чайки. Добываются промышленниками въ Маѣ и Іюнѣ яица гагъ и чаекъ, такъ же гагачій пухъ, хотя добываніе яицъ и пуху сопряжено съ большими опасностями, такъ какъ за ними приходится спускаться съ утесовъ на глубину нѣсколькихъ саженъ по отвѣсной крутинѣ.

Колонисты поселились по всему вообще Мурману лѣтъ двадцать назадъ изъ Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ. Отъ правительства они получили денежное пособіе, снабжены были рогатымъ скотомъ, пользуются также льготою по воинской повинности: подлежащіе отбыванію воинской повинности не берутся въ дѣйствительную службу, а зачисляются въ запасъ.

Церковь въ Гавриловѣ во имя Святителя Николая, устроена на средства С.-Петербургскаго благотворителя въ прошедшемъ году. Освящена она еще не была, но служеніе вечерни и утрени съ часами совершалось предъ иконостасомъ, освященнымъ малымъ водоосвященіемъ. Церковь имѣетъ крестообразную форму, увѣнчана главою и восмиконечнымъ крестомъ. Надъ крыльцомъ церковнымъ, при входѣ, висятъ небольшіе колокола, перенесенные изъ часовни. Входъ сначала въ притворъ церковный (сѣни), а потомъ чрезъ отдѣльныя двери въ самую церковь. Внутри она имѣетъ до трехъ саженъ высоты; иконостасъ, увѣнчанный крестомъ, въ одинъ ярусъ, въ немъ шесть иконъ: Спасителя, Божіей Матери, подлѣ иконы Спасителя находится храмовая икона—Святителя Николая и икона св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго; подлѣ иконы Божіей Матери—икона архидіакона Стефана (на сѣверныхъ дверяхъ) и икона преп. Трифона Печенгскаго. На анолоѣ лежитъ храмовая икона малаго размѣра. Болѣе иконъ въ церкви не было. Въ алтарѣ были двѣ иконы: надъ горнымъ мѣстомъ и надъ жертвенникомъ, и кресъ за престоломъ. Для освященія церкви нѣкоторыхъ вещей недоставало. (*) Въ церкви

(*) Все недостающее для освященія было восполнено въ Августѣ мѣсяцѣ, когда и церковь Гавриловская была освящена командированнымъ для сей цѣли о. Архимандритомъ Архангельскаго монастыря съ діакономъ.

и алтарѣ устроено по круглой печкѣ. Лѣтомъ служить въ церкви было не холодно, но зимою, при значительной высотѣ церкви, двѣ печки едвали будутъ достаточно ее нагрѣвать. Весною, во время Пасхи, пріѣзжаетъ сюда служить Териберскій причтъ. Промышленники по праздничнымъ днямъ сами собираются въ церковь и читаютъ утреню и часы.

Часовня въ Гавриловѣ во имя Успенія Божіей Матери. Стоитъ при въѣздѣ въ становище на высокомъ мѣстѣ. Иконъ имѣетъ достаточно и почти всѣ онѣ обложены серебряными позолоченными ризами. Ризы на иконахъ отъ дѣйствія морскаго воздуха чернѣютъ. ихъ необходимо часто чистить. При часовнѣ есть амбаръ, въ который промышленники жертвуютъ рыбу. Въ прежніе годы пожертвованной въ пользу часовни рыбы продавали ежегодно неменѣе, какъ на 300 рублей, а нынѣ жертвенной рыбы пока было мало. Между промышленниками явилось неудовольствіе на построеніе церкви вдали отъ становища, ближе къ больницѣ и колоніи, хотя и теперь до церкви только полверсты разстоянія, а водою еще менѣе, въ колоніи-же церкви быть необходимо ради колонистовъ, которымъ было-бы затруднительно зимою посѣщать церковь, находящуюся вдали отъ колоніи. Съ теченіемъ времени, можетъ быть, неудовольствіе уляжется и промышленники, если только они православные, привыкнутъ къ необходимости пройти нѣкоторое разстояніе отъ своихъ становъ до церкви. По временамъ можно совершать служеніе и въ часовнѣ.

Кладбище въ Гавриловѣ находится невдалекѣ отъ часовни и становища, отъ церкви въ разстояніи версты, на возвышенномъ мѣстѣ. Грунтъ земли здѣсь песчаный. Оградою кладбище не обнесено. Вмѣсто крестовъ надъ большею частію могилъ поставлены колья, такъ какъ для крестовъ здѣсь не имѣется матеріала, поставленные кресты привезены промышленниками изъ дому.

Въ воскресные и праздничные дни, во время пребыванія здѣсь, совершалось мною въ церкви богослуженіе: съ вечера всенощное бдѣніе, а утромъ часы. За

псаломщика помогалъ при богослуженіи сынъ здѣшняго церковнаго старосты В. М. Демидовъ. 29 Іюня служба совершена была въ часовнѣ, гдѣ есть праздничная того дня икона. Молящихся было очень много. Въ часовню пришли и тѣ, которые церкви не посѣщали. Послѣ часовъ былъ отслуженъ положенный въ тотъ день царскій молебенъ. Свѣчъ въ этотъ день на вечерней и утренней службахъ было продано на 20 рублей: поморы вообще усердно ставятъ свѣчи при богослуженіяхъ и дома. Изъ требоисправленій во время пребыванія моего въ Гавриловѣ было совершено мною: крещеніе двухъ младенцевъ въ колоніи, отпѣвъ четырехъ и погребеніе трехъ промышленниковъ и исповѣдь шести человѣкъ больныхъ.

Въ Гавриловской колоніи 12 домовъ, жителей 68 человѣкъ: 41 муж. и 27 жен. пола, въ числѣ ихъ дѣтей до 16 лѣтъ 35 человѣкъ: 25 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Грамотныхъ между колонистами только шесть человѣкъ взрослыхъ, изъ дѣтей и женщинъ грамотныхъ нѣтъ. Умѣющіе грамотѣ учились до переселенія на Мурманъ. Для чтенія книгъ они не имѣютъ. Мною одному изъ колонистовъ грамотныхъ былъ оставленъ Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, а также нѣсколько брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія изъ данныхъ Его Преосвященствомъ. Кромѣ того въ больницѣ было оставлено для чтенія грамотнымъ больнымъ, а также и желающимъ почитать колонистамъ, нѣсколько экземпляровъ евангелія на русскомъ языкѣ, нѣсколько религіозно-нравственныхъ брошюръ и полный экземпляръ Четъ-Миней на славянскомъ языкѣ, о чемъ увѣдомленъ мною мѣстный о. благочинный съ тѣмъ, чтобы могъ, по освященіи церкви, оставленныя книги записать въ церковную библіотеку, какъ пожертвованныя Его Преосвященствомъ. Изъ другихъ книгъ, данныхъ Его Преосвященствомъ, нѣсколько экземпляровъ было роздано промышленникамъ, остальныя же были пересланы о. благочинному, для записи 1 экземпляра Четъ-Миней въ библіотеку Териберской церкви, а брошюры и евангелія для раздачи.

Колонисты желали-бы имѣть въ Гаврилове самостоятельный причтъ и школу. Учрежденіе причта и школы могло бы предупредить въ колоніи развитіе раскола, послѣдователи котораго есть между колонистами, переселенцами изъ Кемскаго уѣзда. Лютеранъ или другихъ иновѣрцевъ между колонистами нѣтъ по всему восточному берегу, на западномъ же берегу колонисты по преимуществу иновѣрцы, норвежцы и шведы. Главный порокъ, распространенный на Мурманскомъ берегу, сквернословіе, которымъ заражены въ сильной степени и дѣти. Пьянство, благодаря мѣрамъ правительства, прекратилось. Можно слышать только разсказы о томъ, въ какомъ количествѣ въ прежнее время вывозился изъ Норвегіи по становищамъ ромъ и какъ сильно упивались имъ промышленники.

Дома колонистовъ небольшіе, въ три окна обыкновенно; напереди находится комната или двѣ и назади у болѣе зажиточныхъ чистая комната—горенка. Весною и лѣтомъ колонисты занимаются промысломъ рыбы на морѣ, а также въ рѣкѣ Вороньей; въ послѣдней ловится семга. Въ концѣ Іюля косятъ сѣно по рѣкѣ, верстъ за 10 отъ становища. Зима проходитъ въ вывозкѣ сѣна, на оленяхъ, а также въ рубкѣ и вывозкѣ дровъ изъ березняка. Изъ домашнихъ животныхъ колонисты держатъ коровъ, овецъ и оленей. Въ Гаврилове имѣется до 10 коровъ. Кормомъ для скота служитъ сѣно и мохъ.

По количеству пріѣзжающихъ рыбопромышленниковъ Гавриловское становище одно изъ многолюдныхъ на Мурманскомъ берегу. Промышленниковъ собирается сюда до 900 человѣкъ. Являются они изъ селеній Кемскаго уѣзда, преимущественно изъ Сумскаго и Сорокскаго приходовъ, между ними много раскольниковъ. Промыслъ на Мурманскомъ берегу раздѣляется на вешній и лѣтній. Промышленники „вешняки“ отправляются изъ дому въ Мартѣ мѣсяцѣ по зимнему пути въ Колу, а оттуда по становищамъ западнаго Мурманскаго берега и частію въ восточныя становища: Териберку и Гаврилово. Много русскихъ промышленниковъ

на вешнемъ промыслѣ бываетъ въ норвежскихъ городахъ: Вадзэ и Вардэ, куда въ каждый рейсъ заходитъ и пароходъ Мурманскаго пароходства. Берегъ городовъ Вадзэ и Вардэ былъ нѣкогда русскимъ берегомъ, къ Норвегіи онъ отошелъ, кажется въ прошломъ столѣтіи. Колоній русскихъ тамъ не было, но для промысла Вадзэ и Вардэ теперь важные пункты: весною всѣ туда стремятся. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ промышленники съ западнаго берега переходятъ на восточный. Сюда же въ это время приходятъ на промыселъ и „лѣтняки“. Уѣзжаютъ промышленники съ Мурманскаго берега въ Августѣ, иные остаются до Сентября. Съ Марта мѣсяца и по Май по становищамъ Мурманскаго берега: отъ Лицы и до Вадзэ совершается правильное пароходное сообщеніе, такъ какъ море бываетъ открыто. Въ концѣ Мая пароходъ приходитъ въ Архангельскъ и отсюда начинаетъ совершать на Мурманъ лѣтніе рейсы, заходя въ Поной. Телеграфное сообщеніе промышленниковъ съ домомъ чрезъ Норвегію, Петербургъ и Сумскій посадъ.

Дома, предъ отправленіемъ на Мурманъ, крестьяне, не имѣющіе собственныхъ судовъ или шнякъ, „покручиваются“ какому-нибудь судо-хозяину, который и держитъ ихъ на своемъ иждивеніи во все время промысла. Изъ общей суммы выученныхъ за продажу рыбы денегъ двѣ трети идетъ въ пользу хозяина и одна треть въ пользу промышленниковъ рабочихъ; расчетъ происходитъ по окончаніи промысловъ, осенью. Отправляясь на промыселъ, рабочіе въ счетъ будущаго заработка берутъ у хозяина припасы для своихъ остающихся семействъ, а также и лѣтомъ семья работника, въ случаѣ нужды, обращается къ хозяевамъ за мукою и другими припасами; заборъ записывается и потомъ высчитывается. При неудовлетворительныхъ промыслахъ работникъ иногда не въ состояніи бываетъ расплатиться съ хозяиномъ за забранное имъ и его семействомъ, тогда долгъ остается до слѣдующаго лѣта.

Самый промыселъ рыбы производится такимъ образомъ. Сначала ловятъ неводами около песчанаго мѣста

„наживку“—мелкую рыбку: песчанку или мойву, вытаскивая ее неводомъ на песокъ. Наловили наживки—ѣдутъ на промыселъ въ море. Ловля наживки заботитъ промышленниковъ болѣе, чѣмъ ловля рыбы. „Была-бы наживка,—говорили они,—а рыбы всегда можно достать въ морѣ“. На море выѣзжаютъ въ шнякахъ, по четыре человѣка въ каждой: кормщикъ, (*) тяглецъ, наживальщикъ и весельщикъ. Отъ берега въ море удаляются верстъ за 40—50 и на промыслѣ находятся не болѣе сутокъ, когда-же тамъ застигнетъ погода, то приходится плавать и по недѣлѣ. На восточномъ берегу въ лѣтнее время ловится пиктуй, треска и палтусина. Рыболовный снарядъ называется „ярусомъ“. Это веревка, къ которой привязаны крючки; длина большаго яруса доходитъ до 40 „тюковъ“, а въ каждомъ тюкѣ около 100 саженъ. На крючки яруса наживальщикъ наживляетъ наловленную песчанку или мойву, на которую и попадаетъ рыба. Придя въ шнякѣ на извѣстное мѣсто, промышленники начинаютъ выкидывать изъ шняки сложенный и наживленный ярусъ. Дѣломъ этимъ занимаются кормщикъ и тяглецъ, весельщикъ гребетъ, подвигая шняку. Концы яруса выбрасываютъ съ привязанными камнями, мѣсто ихъ указываютъ „кубаса“—большіе деревянные поплавки съ клеймомъ хозяина яруса. Выкинувъ постепенно весь ярусъ, который растягивается на нѣсколько верстъ, промышленники отдыхаютъ часовъ шесть, а потомъ кормщикъ съ тяглецомъ начинаютъ вытаскивать ярусъ уже съ рыбою, наживальщикъ освобождаетъ рыбу отъ крючковъ и бросаетъ въ шняку. Вытащивъ весь ярусъ, возвращаются съ рыбой въ становище. Въ хорошій уловъ привозятъ въ шнякѣ до 200 пудовъ рыбы. Если погода бурная и препятствуетъ спокойному вытаскиванію яруса, его оставляютъ въ морѣ, а сами возвращаются въ становище, чтобы чрезъ нѣсколько дней пріѣхать за ярусомъ, который иногда такимъ образомъ и теряютъ. Но не всегда благо-

---

(*) Кормщикъ, кромѣ своего пая, получаетъ отъ хозяина жалованье.

получно возвращаются въ становища застигнутые бурей, ежегодно по нѣсколько шнякъ погибаетъ въ морѣ. Застигнутые непогодою, шняки стараются отбѣжать подалѣе въ открытое море, тамъ имъ безопаснѣе, чѣмъ около каменистыхъ береговъ. Но невѣрно поднятый парусъ, неправильное движеніе въ управленіи суденышкомъ и—шняка опрокидывается.. Море поглощаетъ свои жертвы.

Возвратившись благополучно на берегъ, ярусъ распутываютъ, очищаютъ отъ морскихъ растеній и сушатъ. Занимаются этимъ „зуи“. Зуями бываютъ дѣти, съ 12-ти лѣтняго возраста уѣзжающіе съ отцами на Мурманъ, а также лопарскія женщины, „лопки“ по здѣшнему. За свою работу зуи получаютъ по 5 копѣекъ съ каждаго развитаго тюка (100 саженъ) яруса, а въ иныхъ становищахъ по трескѣ фунтовъ 7 или 8. Зуи не нанимаются къ извѣстному хозяину, а работаютъ сами отъ себя; нелѣнивый зуй въ лѣто можетъ достать болѣе 50-ти рублей.

При маломъ ловѣ наживки или при неблагопріятной для промысла погодѣ промышленники живутъ въ своихъ „станахъ“. Станъ промысловой представляетъ четырехстѣнную избу съ печкою для приготовленія пищи и нарами для спанья. Пищею для промышленниковъ служитъ рыба, а когда ловъ ея плохой, то варево изъ какой-либо крупы и хлѣбъ. Рыбу и сало промышленники сдаютъ на „факторіи“, хозяевамъ набирающимъ ее на шкуны и корабли. Средняя цѣна сдаваемой свѣжей трески 60 коп. за пудъ, бываетъ по 80 коп. и дороже; пикшуй сдается за 20 коп, палтусина рубля за полтора. На факторіяхъ рыбу солятъ, сало топятъ и отправляютъ на корабляхъ въ Петербургъ и на шкунахъ въ Архангельскъ. Въ Гавриловскомъ становищѣ четыре факторіи: Воронина, Савина, Демидова и Ремягина.

Больница въ Гаврилові на 15 кроватей. Во время лѣта находятся при больницѣ фельдшеръ и двѣ сестры милосердія, временно пріѣзжаетъ докторъ. Распространенная болѣзнь на Мурманѣ — цынга. Происходитъ

она, по словамъ доктора, отъ простуды, которую легко схватываютъ промышленники при работѣ на морѣ и при большихъ здѣсь холодахъ, особенно весною; способствуетъ цынгѣ и недостаточное питаніе промышленниковъ. Суровая природа и суровые труды создали здѣсь и суровые нравы. Проявляется эта суровость и въ отношеніи къ больнымъ. Держится у промышленниковъ мнѣніе о всѣхъ заболѣвшихъ цынгою, что они больны отъ бездѣйствія и лѣни, почему лѣчили въ прежнее время эту болѣзнь такимъ образомъ: больному привязывали на спину котель или мѣшокъ съ камнями и гнали его въ гору, а за тѣмъ и подъ гору, чтобы, вѣроятно, стряхнуть съ него лѣнь. Результаты подобнаго леченія бывали иногда очень плачевны. Смотря на цынгу, какъ на слѣдствіе лѣни, промышленники относятся къ больнымъ грубо. Одинъ изъ больныхъ жаловался:—„у насъ такъ: когда болень, никто тебѣ въ этомъ не вѣритъ пока не умрешь; оставятъ лежать въ стану и воды даже не хотятъ подать, а въ прежнее время, уѣзжая въ море, запрутъ больнаго въ амбаръ; и лежи тамъ, умирай, да и метваго-то иной толкнетъ ногою: что, молъ, валяешься? Умирали безъ покаянія, и похоронятъ мертваго, какъ собаку какую; завернутъ въ рогожу и бросятъ въ яму; нынѣ, спасибо, и священника посылаютъ,—умирать можно похристіански, и больница есть, только насъ въ больницу-то не отпускаютъ“. И дѣйствительно, не желая липиться рабочихъ рукъ судохозяинъ до послѣдней возможности не отпускаетъ заболѣвшаго промышленника въ больницу, такъ что иные являются туда уже умирать. Такъ, на второй день пріѣзда моего въ больницу привели одного больнаго и въ ожиданіи, пока приготовятъ кровать, опустили его на полъ,—онъ тутъ и скончался, не успѣвъ сказать ни одного слова.

3-го Іюля я выѣхалъ изъ Гаврилова на пароходѣ „Чижовъ“ во исполненіе данной мнѣ инструкціи въ портъ Владиміра. Отправясь изъ Гаврилова ночью, утромъ были въ Териберкѣ. На песчаномъ берегу бѣлѣли двѣ церкви. Становище и колонія расположены

по берегу рѣки Териберки, впадающей въ море, около ея устья. Видъ съ парохода на это становище лучше Гавриловскаго, такъ какъ становище расположено на открытомъ мѣстѣ. Въ Териберкѣ также имѣется больница. На пароходъ выѣхалъ мѣстный о. благочинный для слѣдованія до порта Владиміра, съ цѣлію осмотрѣть тамошнюю церковь. Вечеромъ были въ Колѣ. До Колы изъ Териберки 120 верстъ, при чемъ 60 верстъ пароходъ идетъ Кольской губой. Губа Кольская не широка. По обѣимъ сторонамъ тянулся тотъ-же гранитный берегъ, но ближе къ городу появилась зелень. Версты за 4 отъ города пароходъ остановился. Отсюда въ Колу съѣзжаютъ на шлюпкахъ и карбасахъ. Проѣхавъ отъ мѣста стоянки парохода версты двѣ, можно видѣть и самый городъ. Мы въѣзжали часовъ въ 11 вечера. Освященный полуночнымъ, незаходящимъ вотъ уже болѣе мѣсяца, солнцемъ, бѣлѣлъ Кольскій соборъ. Городъ около него представлялся кучкою домовъ. Всего домовъ въ Колѣ до 80-ти. Городъ стоитъ при сліяніи двухъ рѣкъ: Колы и Туломы. Соборъ раздѣляетъ его на двѣ части: верховье и низовье. Кромѣ собора въ Колѣ находится еще церковь кладбищенская, въ которой однако не служатъ, за неисправностію ея внутри. Посѣтивши о. протоіерея и получивъ отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія относительно церкви въ портѣ Владиміра, мы оставили Колу.

5-го Іюля были въ портѣ Владиміра, отстоящемъ отъ Колы верстъ за 80. Море было спокойно. Кругомъ виднѣлось нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ была видна небольшая церковь безъ главы, съ однимъ только крестомъ. Въ полуверстѣ отъ церкви на другомъ острову находится факторія Сумскаго купца Воронина—нѣсколько домиковъ, а въ верстѣ отъ церкви на острову-же находится китоловный заводъ, управляющимъ на которомъ служитъ норвежецъ. Путь въ церковь какъ съ завода, такъ и съ факторіи водою. На факторіи въ продолженіи всего лѣта живутъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ, а на заводѣ до 20 русскихъ рабочихъ, посѣщающихъ по праздникамъ церковь.

На пароходъ выѣхалъ о. Прокопій, совершавшій служеніе въ здѣшней церкви. Онъ сообщилъ о трудности пребыванія здѣсь для священника безъ церковнаго дома. Прибывши сюда съ псаломщикомъ, онъ не нашелъ убѣжища ни на факторіи, ни на заводѣ, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, почему и помѣстились они на чердакѣ церкви. Время въ Іюнѣ мѣсяцѣ было холодное и дождливое, и о. Прокопій простудился; теперь онъ жаловался на ломоту въ рукѣ. На острову жили они восемь дней, потомъ больнаго пріютили на факторіи въ пекарнѣ. Туда же помѣстились и мы съ о. благочиннымъ и въ продолженіи трехъ дней пользовались гостепріимствомъ.

Въ тотъ же день ѣздили всѣ въ церковь. Внутреннее убранство церкви было бѣдное, но для богослуженія все необходимое изъ утвари и книгъ было. Свѣчи въ это время уже всѣ вышли, а мука и вино, взятыя о. Прокопіемъ изъ города, подходили къ концу,—осталось испеченныхъ о. Прокопіемъ просфоръ и вина только на одну литургію. Совнѣ церковь нуждалась въ исправленіи: необходимо было проконопатить стѣны, сквозь которыя ходилъ вѣтеръ, обшить снаружи тесомъ и устроить куполъ. Необходимо также устроить лѣтнее жилище для помѣщенія командируемыхъ сюда священниковъ На томъ же острову, гдѣ находится церковь, есть церковный станокъ,—небольшая, сколоченная изъ досокъ, избушка. Если-бы ее перебрать, устроить полъ потолокъ и печку, то жить здѣсь лѣтомъ можно бы было.

7-го Іюля пришелъ въ портъ Владиміра административный пароходъ. На немъ мы съ о. благочиннымъ выѣхали въ Колу. О. Прокопій остался до парохода Мурманскаго Товарищества, надѣясь нѣсколько оправиться и отслужить 9-го числа въ Воскресенье литургію, а тамъ ѣхать для совершенія служенія въ Гаврилово, гдѣ была и больница.

Изъ Колы обратно выѣхали на пароходѣ „Чижовъ“, гдѣ встрѣтили ѣдущаго въ Гаврилово о. Прокопія. О. благочинный имѣлъ намѣреніе посѣтить становища до Лицы, я отправлялся въ Архангельскъ.

Бесѣдъ съ раскольниками на Мурманскомъ берегу вести не приводилось. Народъ былъ занятъ и даже въ праздники только утромъ пріѣзжалъ съ промысла, а вечеромъ, если не было сильной погоды, ѣхали уже на пёсокъ для ловли наживки къ слѣдующему дню. Бесѣды съ промышляющими на Мурманскомъ берегу удобнѣе вести зимою, во время пребыванія ихъ дома, въ Кемскомъ уѣздѣ. На пароходѣ, впрочемъ, привелось вести разговоръ съ однимъ раскольникомъ, колонистомъ изъ Рынды, ѣхавшимъ въ Архангельскъ. Разговоръ зашелъ о перемѣнахъ, которыя сдѣланы въ Русской Церкви со времени патріарха Никона. Петровъ, такъ звали собесѣдника, утверждалъ, что Великороссійская Церковь, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія въ обрядахъ, порушила вѣру и приводилъ клятву ап. Павла. Я спросилъ его:— о чемъ положена клятва ап. Павломъ, а также и вселенскими Соборами? и разъяснилъ, что клятвы положены за измѣненіе апостольскаго и евангельскаго ученія, о которомъ ап. Павелъ говоритъ: „еже благовѣстихомъ“. И просилъ указать, что изъ евангельскаго и апостольскаго ученія порушила Великороссійская Церковь. Петровъ указывалъ на измѣненіе перстосложенія и другихъ обрядовъ. Мною было разъяснено, что указываемыя вещи не суть ученіе евангельское или апостольское, что они относятся къ обрядовой церковной сторонѣ. Изъ старопечатныхъ книгъ, которыя имѣлись при себѣ, были показаны Петрову примѣры измѣненія обрядовъ въ древности.—Такимъ образомъ, заключилъ я, законная власть церковная можетъ измѣнять вещи, не касающіяся существа вѣры. И указывалъ Петрову на общество безпоповцевъ, къ которому онъ принадлежалъ, какъ не имущее Богоустановленной власти священства. Изъ книгъ читали свидѣтельства о необходимости для спасенія человѣка принадлежать къ истинной Христовой Церкви, имѣющей седмь таинствъ и священство въ трехъ чинахъ.

13-го Іюля ночью подходили къ Архангельску. При входѣ въ одинъ изъ рукавовъ Двины съ береговъ пахнуло теплымъ лѣтнимъ вѣтеркомъ и ароматомъ ско-

шеннаго сѣна. Кругомъ виднѣлась зелень. Послѣ холоднаго и каменнаго Мурмана пріятно было встрѣтить настоящее лѣто, котораго тамъ, въ сосѣдствѣ съ вѣчными льдами, нѣтъ.

Миссіонеръ, свящ. П. И—ій.